

НОБЕЛЕВСКАЯ «СГУЩЕНКА»

Окончание.
Начало на стр. 3.

Претензии можно предъявлять, если продукт некачественный. А Алексиевич производит консервированную тьму в изобилии, отличного качества, Малевич отдыхает. Производит давно, изо всех сил. С убежденностью героини Ахеджаковой, которая учила жить «мымру». Но только с противоположным знаком - вполне живую, противоречивую такую всю, трагическую, «богатую и обильную, могучую и бессильную» бабу, только что остановившую на скаку очередной коня (подмышки ее цветастой кофты еще по-шолоховски мокрые), она упрямо обряжает то в полосатую робу, то в саван, пресекая всякие попытки той робко возразить: «Живехонькая я!»

Мы со Светланой Алексиевич выросли в одной стране. Спасибо, кстати, за то, что не называет ее «совком», щадя родных и друзей. Она видела и видит ее иначе: меня не

учили с детства умирать, ерунда это все, «Огонек» пережеванный. В этой перестроенной убежденности, своим абсолютно консервированным, постсоветским ГОСТом, Светлана Алексиевич по-своему даже трогательна. Потому не вижу особого простора для полемики.

Однако одну важную вещь сказать надо - словами нобелевской лекции Бродского. «Хотя для человека, чей родной язык - русский, разговоры о политическом зле столь же естественны, как пищеварение, я хотел бы теперь переменить тему. Недостаток разговоров об очевидном в том, что они развращают сознание своей легкостью, своим легко приобретаемым ощущением правоты. В этом и соблазн, сходный по своей природе с соблазном социального реформатора, зло это порождающего».

«Сходный по своей природе...» У меня только один вопрос по итогам эпопеи с Алексиевич: а разве дают сгущенке Нобелевскую премию? Получается, да.

А РАЗВЕ МЫ НЕ ОБСУЖДАЕМ ЭТО В КУРИЛКАХ И НА КУХНЯХ?

Владимир ВОЛОШИН

Интересно, как лауреат Нобелевской премии Светлана Алексиевич ходит по замкнутому кругу.

30 лет назад. Юная советская журналистка с ужасом и творческим упоением наблюдает агонию СССР. Афганистан. Чернобыль. Она пишет книги, пьесы, снимает документальные фильмы, красиво, талантливо, психологически точно и достоверно - это ведь не только похороны мира «красных». Это объяснение - почему их мир рухнул. Фальшь. Жестокость. Цинизм.

Помните те времена? Помните, как мы хотели свободы? Помните, с каким недоумением и жалостью мы смотрели на стариков и спрашивали их - почему вы молчали? Почему обожали Сталина? Что с вашей совестью? Восклицали - как же вас, бедных, обманули! И считали, что, очистившись от советской лжи, честно заживем.

Читая сейчас Алексиевич, чувствуется ее... Тут или живой ужас, или уже перегоревшая тоска. Она словно снова вдруг обнаружила перед собой «Красный мир», очнувшийся, окрепший, сменивший маску. И усмехающийся во все свое быдловатое лицо - дескать, свободы захотелось, интеллигенты паршивые? Забыли - кто тут стадо, а кто пастух?

Последняя часть ее лекции - это крик человека, который пытался сбежать с острова, но после бессмысленной борьбы течение снова выбрасывает его на берег, и он рыдает: «Время надежды сменило время страха. Время повернуло вспять!»

«Но время действительно повернуло вспять. Да, мы возвращаемся не в точную копию СССР, в новую, более хитрую, циничную версию. И это прекрасно чувствуют все - как

медленно и верно приближается «совок» со своими новыми «афганцами», «олимпиадами», цензурой, слежкой, репрессиями.

Но черт с ней, с политикой. Послушайте, что говорят люди, когда-то желавшие быть свободными. Слушая наших людей, понимаешь - все, наступила темная эпоха Силы».

Почитайте цитаты Алексиевич, которые она услышала, путешествуя по современной России. Вы, русский читатель, разве не узнаете в них себя? Вот честно - от какой из цитат вы откажетесь? Вы разве под бутылочку на кухне не скажете то же самое, что и Нобелевский лауреат? Вы же говорите это в элтричках, курилках, кухнях, блогах. Ну например, что «порядок в России возможен только с помощью расстрелов».

Или что «русский хочет одного: чтобы кто-то другой не стал богатым».

Или что «непоротых поколений нам не дожидаться; русский человек не понимает свободу, ему нужны казак и плеть».

И разве вы не думали иногда, что - если уж совсем честно - нет никакой надежды все это изменить? Ни-ка-кой! Россия упрямо соскальзывает на свой тысячелетний путь, который ведет ее по кругу. И не добиться здесь справедливости без отчаянной грубой силы, отчего мир и общественный покой на Руси всегда были выше справедливости. И так «наша жизнь и болтается - между бардаком и бараклом, - говорит Алексиевич, - Коммунизм не умер, труп жив».

И пишет Нобелевский лауреат: «Теперь я не уверена, что дописала историю «красного» человека...»

И я думаю, что Алексеевич вряд ли ее когда-нибудь допишет. Время прошло...

Евгений Нефедьев, ГАС

Владимир Беленгучин, Krimia.ru

Телеканал «Россия-К»

ОТКЛИКИ ИЗ БЕЛОРУССКОГО ИНТЕРНЕТА

Людмила Рублевская, писатель:

- Конечно, каждый ждал от этой лекции чего-то на свой вкус. Нобелевский лауреат-де должна была сказать про то, про это, поднять такую вот проблему и на другом языке. Не все ожидания оправдались. Но сила Алексиевич именно в том, что она всегда остается собой.

Штурман:

Разве мало того, что она собрала, пропустила через свою душу, а потом изложила в виде книг? Она молодец, мы с ней!

Ирина Горева:

Она сама не понимает, насколько «красна». Видит кругом только плохое. Могла бы заглянуть ненадолго в любой из российских городов и посмотреть, как давно все изменилось, как оно по-настоящему. Она живет прошлым. А тем, кто находится в настоящем, предсказывает будущее, которое сформировала исключительно в своей голове. Ее лекция - речь

типичного «совка», который не может сказать ничего нового, может только пережевывать старое.

Алесь Аркуш:

В ее речи, считаю, одно предложение было лишним (или неточным), о том, что она вышла из «большой русской литературы». Только? Ведь это неправда: Алексиевич училась в белорусском школе и изучала белорусскую литературу, читала белорусский классику как раз тогда, когда формировалась как личность.

Нина Р.:

Говорит она как-то не очень - похоже на заезженную пластинку.

Q2:

У каждой каши свой вкус и ее любители. Если кому-то каша не нравится, то это не повод, чтобы ее критиковать. Чтобы понять тонкость определенных высказываний, следует учесть то, кому эти тонкости адресованы.

О ЧЕМ ГОВОРИЛИ ДРУГИЕ РУССКИЕ ЛАУРЕАТЫ

Евгений Нефедьев, ГАС

МИХАИЛ ШОЛОХОВ (1965):

Человечество не раздроблено на сонм одиночек, индивидуумов, плавающих как бы в состоянии невесомости, подобно космонавтам, вышедшим за пределы земного притяжения. Мы живем на Земле, подчиняемся земным законам, и, как говорится в Евангелии, дню нашему довлеет злоба его, его заботы и требования, его надежды на лучшее завтра. Гигантские слои населения Земли движимы едиными стремлениями, живут общими интересами, в гораздо большей степени объединяющими их, нежели разъединяющими. Это люди труда, те, кто своими руками и мозгом создает все. Я принадлежу к числу тех писателей, которые видят для себя высшую честь и высшую свободу в ничем не стесняемой возможности служить своим пером трудовому народу. Отсюда проистекает все.

Владимир Беленгучин, Krimia.ru

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН (1972):

Горе той нации, у которой литература прерывается вмешательством силы: это - не просто нарушение «свободы печати», это - замкнутость национального сердца, иссечение национальной памяти. Нация не помнит сама себя, нация лишается духовного единства - и при общем как будто языке соотечественники вдруг перестают понимать друг друга. Отживают и умирают немые поколения, не рассказавшие о себе ни сами себе, ни потомкам. Если такие мастера, как Ахматова или Замiatин, на всю жизнь замурованы заживо, осуждены до гроба творить молча, не слыша отзвука своему написанному, - это не только их личная беда, но горе всей нации, но опасность для всей нации. А в иных случаях - и для всего человечества: когда от такого молчания перестает пониматься и вся целиком История.

Телеканал «Россия-К»

ИОСИФ БРОДСКИЙ (1987):

Если искусство чему-то и учит (и художника - в первую голову), то именно частности человеческого существования. Будучи наиболее древней - и наиболее буквальной - формой частного предпринимательства, оно вольно или невольно поощряет в человеке именно его ощущение индивидуальности, уникальности, отдельности - превращая его из общественного животного в личность. Многие можно разделить: хлеб, ложе, убеждения, возлюбленную, - но не стихотворение, скажем, Райнера Марии Рильке. Произведения искусства, литературы в особенности и стихотворение, в частности, обращаются к человеку тет-а-тет, вступая с ним в прямые, без посредников, отношения. За это-то и недолюбливают искусство вообще, литературу в особенности и поэзию, в частности, ревнители всеобщего блага, повелители масс, глашатаи исторической необходимости. ...Поколение [к которому я принадлежу] - поколение, родившееся именно тогда, когда крематории Аушвица работали на полную мощность, когда Сталин пребывал в зените богоподобной, абсолютной, самой природой, казалось, санкционированной власти, - явилось в мир, судя по всему, чтобы продолжить то, что теоретически должно было прерваться в этих крематориях и в безымянных общих могилах сталинского архипелага. Тот факт, что не все прервалось, - по крайней мере в России, - есть в немалой мере заслуга моего поколения, и я горд своей к нему принадлежностью не в меньшей мере, чем тем, что я стою здесь сегодня. И тот факт, что я стою здесь сегодня, есть признание заслуг этого поколения перед культурой; вспоминая Мандельштама, я бы добавил - перед мировой культурой.

Подготовил Николай ГЕРАСИМОВ.